

ОСНОВАНИЯ МОНАШЕСКИХ ОБЕТОВ И УСЛОВИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПОСТРИГА

Протоиерей
Геннадий МАЛЕЕВ

150

ОСНОВАНИЯ МОНАШЕСКИХ ОБЕТОВ И УСЛОВИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПОСТРИГА

Минская духовная семинария, бакалавр богословия — 1995; Минская духовная академия, кандидат богословия — 1999.

Канонические правила о монашестве и монастырях.

Термин «монах» (от греч. μοναχός) означает «уединенный». Сам этот термин, производный от греч. μονός — один, т.е. уединенный, говорит о человеке, отказавшемся от мирского общества, давшем определенные обеты и получившем благословение на аскетические подвиги. Этим термином лаконично указан особый образ жизни тех христиан, которые стремятся к совершенству через отречение от мирских благ и всего «яже в мире суть». Такие люди если и спешат обратиться, то только с такими же аскетически настроенными лицами.¹

Каноническая модель монашества возникла исторически. Однако, в любой момент весьма сложного процесса становления монашества в христианской среде мы видим стремление к совершенству через аскезу, проявившуюся в посте, молитве, бдении, безбрачии, нестяжании, послушании.

Принято считать, что принципы, лежащие в основе этих добродетелей, указаны в Священном Писании и на эти места Библии ссылаются, когда речь заходит о богоустановленности монашества вообще и монашеских обетов в частности. Здесь мы входим в ознакомление с той областью права Церкви, которая называется *jus divinum* — т.е. Божественное право — именно та часть положительного, в основании норм которой лежит определенный, конкретный текст из Библии. Именно это и сообщает соответствующий высокий канонический авторитет и непреходящую церковную актуальность институту монашества уже многие — многие века.

Монахом, с канонической точки зрения, может считаться только тот, кто осознанно

ТРУДЫ
№11

Минской духовной академии

и добровольно произнес три известных обета: безбрачия, нестяжания и послушания. Когда говорят о принятии монашеского обета безбрачия, то приводят евангельские слова, сказанные ученикам Спасителем в контексте ответа фарисеям на вопрос о причинах расторжения брака: «Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться. Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано, ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» (Мф. 19, 10-12).

С сожалением приходится констатировать факт спекуляции, который допускается в некоторых современных печатных изданиях, при пользовании этим евангельским текстом. Не будем вдаваться в нравственный аспект этой современной проблемы, но рассмотрим это сквозь призму информации, полученной из первоисточников, от которой и зависит правоустанавливающий элемент.

Итак, этот текст находится у святого евангелиста Матфея в 19 главе, в 10-12 стихах. Термин «обязанность», применяемый здесь весьма неточно и, как говорят исследователи, даже не совсем верно выражает мысль подлинника. Греческий термин *aitia* не переводится как «обязанность», а переводится как «вина», «причина» и именно в таком смысле он применяется и в других местах Священного Писания Нового Завета (Деян. 10,21 ; 22,24. 2 Тим. 1,6 ; 2 Тим. 1,12. Тит. 1,13. Евр. 2,11) и у самого же евангелиста Матфея в 27 главе, в 37 стихе.

В итоге, буквальный перевод текста (Мф.19,10): «Если таким образом есть причина (или вина) человека с женщиной, то неудобно (не полезно οὐ συμφέρει) жениться». Однако, такой перевод из — за своей буквальной точности теряет смысл.

Поэтому здесь удобен для понимания перевод не буквальный, а только описательный: « Если причиной развода человека с женщиной может быть только прелюбодеяние, то лучше не жениться». И, как раз на этот вопрос отвечает Спаситель (стих 11), противопоставляя Закон Бога об установлении брака различным ошибочным и неправильным мнениям. Этот Закон действует в человеке и во всех творениях Божиих. Поэтому Господь не мог сказать Своим ученикам: «Не должно вступать в брак». Это противоречило бы не только физическому, но и нравственному закону, имеющему при этом возвышенный характер. В богоустановленности этих законов никто не сомневается. Здесь речь идет об исключениях, которые не являются нормой для всех.

С другой стороны, Он не мог сказать: «все должны вступать в брак», - ибо в жизни реально существуют ситуации и условия, при которых необходимо уклонение от физического закона. Кто же эти люди, неподчиненные физическому закону? Это разъясняется в следующем 12 стихе.

Фраза: «сделали сами себя скопцами» правильнее переводится: «оскопили самих себя». К сожалению, буквальное понимание этого текста было свойственно некоторым, даже выдающимся людям, таким как Ориген, и в свое время послужило фактически основанием такого чудовищного явления, как скопчество. Буквальному пониманию этих слов можно противопоставить библейские тексты, в которых говорится, что такие скопцы не могут войти в общество Господне (Втор. 23,1) и даже оскопленные животные, принесенные в жертву являются неполноценными и «не приобретут они вам благоволения» (Лев. 22,24-25). Кроме того заповедуется: « в земле вашей не делайте сего». Против буквального понимания оскопления человека выступали многие отцы и учителя Церкви. Особенно горячо возражает против этого святитель Иоанн

Златоуст, указывая, что здесь понимается не отсечение телесных членов, но истребление злых помыслов, ибо телесно оскопивший себя подвергается проклятию.

Церковь своевременно отреагировала на эту проблему, что видно из текста Апостольских правил. Так в 21 — м правиле говорится: « Скопцу, аще от человеческого насилия таковым соделан, или в гонении мужеских членов лишен, или тако рожден, и аще достоин, да будет епископ». И, что весьма знаменательно и интересно, самый первый Вселенский Собор Христовой Церкви своим самым первым правилом говорит об этом со следующим прибавлением: « Аще же будет здрав, сам себя оскопил: такового, хотя бы и к клиру причислен был, надлежит исключить». На такую причину исключения из клира акцентируется внимание в 21 Апостольском правиле с акцентом: «Сам себя оскопивший ... самоубийца бо есть и враг Божия создания». Этой теме посвящены 23 и 24 правила святых Апостолов. Тот человек, который оскопил другого, отлучается от Церкви, ибо «без сомнения есть убийца», о чем говорится в 8-м правиле Двукратного Собора.

Таким образом, слова Спасителя: «кто может вместить, да вместит», - не могут относиться ко всем, но только к тем, «оскопившим» себя для Царства Небесного, - отдавшимися полностью служению Богу не через глумление, а через возвышение себя над естеством, через умышленное отсечение себя от семейной жизни, через добровольное лишение себя потомства и через множество иных монашеских аскетических ограничений и трудов, которые удобнее нести безбрачному человеку.

Здесь указана их особая цель — «оскопили себя для Царства Небесного». Одно только физическое действие не может способствовать достижению столь великой цели, но даже может сделать эту цель недостижимой, ибо самоубийцы Царства Божьего не

наследуют.

Итак, мы из всего вышеизложенного видим, что каноническая основа монашеского обета безбрачия лежит в той области Божественного права, нормы которого содержатся в Священном Писании, изъясняемом согласно с писанием Святых Отцов, как говорится в 19 правиле 6 Вселенского Собора и как уместно замечает в своем 15 каноническом правиле святитель Василий Великий: «От Писания не должно требовать буквальный точности ...».

Кроме обета безбрачия монахи приносят еще и обет нестяжательности, вплоть до отказа от всех видов частной собственности, котые свойственны мирскому человеку.

Основанием для подвига такого вида служат слова Спасителя, сказанные богатому юноше, который искал путь, ведущий в жизнь вечную (Мф. 19, 16-26). После того, как были перечислены заповеди Ветхого Завета, составлявшие для иудеев основу «праведности в законе», Христос говорит о новом уровне аскетического совершенства: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19,21).

Если рассмотреть эти слова в контексте всего вопроса, то мы увидим, что имущество или богатство не называется здесь злом, а указанный путь спасения лежит через исполнение заповедей, основанных на ветхозаветных предписаниях из Пятокнижия (Исх. 20, 2-17,12; Лев. 19, 1-18; Втор. 5, 6-21). Следовательно, мы находим здесь конкретное указание на то, что достаточно исполнить перечисленные Христом ветхозаветные заповеди, чтобы войти в жизнь вечную.

Однако это исполнение заповедей не исключает, но предполагает разные уровни, степени, градации и невозможно сказать,

что соблюдающий одну или другую заповедь сделался истинно совершенным. Совершенствование в добродетелях для человека бесконечно, ибо это путь уподобления Богу бесконечному и всесовершенному. В связи с этим уместно сопоставить указанное в 19 главе у евангелиста Матфея «нестяжательное совершенство» (в 21 стихе) и любовь к ближнему как к самому себе (19 ст.), которая не имеет предела, но высшая ее степень указана в Евангелии — «кто душу свою положит за други своя» (найти). В обоих случаях видна параллель — стремление к более совершенному уровню, который предполагает и жертвования имущества в пользу ближнего и самопожертвование в его же пользу.

Именно этот текст о евангельском нестяжании лег в правообразующую основу монашеского обета нищеты.

Указанные два обета логически связаны между собой и они составляли первоначальную историческую основу монашества.

Первые монахи были отшельниками и проводили свою жизнь в уединенных, пустынных и безлюдных местах. Основателем такого течения в христианстве считают преподобного Антония Великого. Соединил таких единомышленников в единой киновии преподобный Пахомий Великий. И уже здесь возникает первая каноническая и историческая проба и опыт создания устава монастыря.

Пребывание в одном месте разных людей всегда предполагает определенную структуру и наличие строго регламентированных норм поведения. Иерархия предполагает наличие принципа подчинения. При отсутствии его никакая структура не может считаться жизнеспособной. И чем больше силы имеют элементы составляющие структуру, тем сильнее их потенциал взаимного противодействия при отсутствии иерархии, чиновничества и обязательных для всех

требований устава. И здесь уместно заявляет о себе необходимость присутствия еще одного монашеского обета — обета послушания. Сейчас мы указали на логическую необходимость послушания, скажем и о его историческом происхождении как обета и о его библейских и канонических основах.

Важно заметить, что исторически монашеское движение возникло стихийно из среды наиболее аскетически настроенных христиан первых веков. Аскеза придает особую силу человеку, через воспитание его воли и, если не сразу церковные власти и византийские светские власти осознали эту силу и место этого течения в Церкви и обществе, то уже в IV веке монашество стало заявлять о себе, что способствовало правовой регламентации этого движения в целом и его последователей в частности. Говорить об обетах монахов без четкого указания на правовые нормы — абсурдно, что подтверждается древней традицией и современным опытом Церкви.

Когда говорят об обете послушания, то объективно указывают на те места в Священном Писании, где находятся его основания.

Самый главный и высочайший библейский пример послушания Своему Отцу показал Сам Иисус Христос. Он Сам говорит о Себе: «не ишу воли Моей, но воли пославшего Меня Отца» (Ин. 5, 30). Святой апостол Павел говорит, что Господь Иисус Христос «Иже во образе Божии Сый... смирил Себе, послушав быв даже до смерти (и утверждает) — смерти же крестныя» (Флп. 2, 6, 8). Господь не только явил крайнее истощание (кенозис) нашего ради спасения, но и нам заповедал совершенное послушание Воле Божией своим последователям: «кто хочет по Мне идти, да отвержется себе» (Мф. 16, 24). И здесь Господь не принуждает, но «еще кто хочет», т.е. указывается главный в христианстве принцип свободного волеизъявления, без которого не возможно не только монашеское делание, но

и невозможна жизнь по вере, ибо вера — это свободный подвиг человеческого духа. Следует здесь сделать оговорку. Послушание — не «слепое подчинение». Всякий монах непременно должен удалиться от старца или даже бежать из обители, в которой учат ереси ли подвергают душу опасности (Номоканон, стат. 112, стр. 285). Для тех, кто согласился подчинить свою волю Богу, через подчинение поставленному Богом духовному руководителю (старцу, который обязательно дается при постриге), следует помнить слова тех великих людей, которые не только в свое время дали этот обет, но и преуспели в добродетели послушания. Так св. Макарий Великий советует монахам не повиноваться своей воле, а исполнять только заповеданное начальниками. А святой Антоний Великий говорил, что во всех делах своих, даже в келии и в рассуждении о всякой капле воды, которую хочет пить монах, должен руководствоваться советами старших и еще такой великий подвижник как святитель Василий Великий говорил, что монаху нужно вместо ключа иметь язык своего духовного отца, который бы и отверзал его уста для принятия пищи и за-ключал их.

Таким образом мы видим как слова Священного Писания, исполненные на практике отцами восточного монашества, выражают суть обета послушания. Они руководствовались нормами Божественного права и их труды по устройению монашества, а также творения, ставшие фундаментом для общежительных уставов монастырей, свидетельствуют о факте канонической рецепции того наследия, которое они оставили своим последователям. И только в силу этой соборной рецепции их правила имеют общецерковный авторитет для православного монашества.

Подведем некоторый итог вышесказанному:

1. В Священном Писании нет прямого ука-

зания на монашество как на отдельный институт, подобный епископату или клиру, но есть конкретные места, в которых говорится об основании тех видов аскетического делания, которые легли в основу монашеских обетов. Таким образом, монашество — институт, выросший исторически, но его корни заложены в евангельской проповеди (Цыпин. М., 2009; 333).

2. Монашество, в отличие от посылной аскезы, не является обязательным для всех, т.к. не все «могут вместить» и не всякий в силу обстоятельств может «совершенно быти» и не у всех есть возможность совершенно «отвергнуться себя» и своей воли, ибо девство, нищета и совершенное послушание старцу свидетельствуют об особых дарованиях и наклонностях, отсутствие которых не является губительным для души, а одно только их наличие не спасает душу (Свт. Иоанн Златоуст. О юродивых девах без елей).

3. Нигде в Священном Писании здоровый нравственный образ естественной семейной жизни с воспитание детей в Законе Божьем и монашеский путь не противопоставляются друг — другу, но оба являются делом благословенным, приводящим к вечной жизни. Дело в том, что среди добродетелей есть своя специфическая логика и порядок. Изучая аскетическое наследие христианского Востока, можно сделать определенные выводы:

а) Добродетели никогда не противопоставляются друг — другу. Они не «спорят между собою». Просто одни доступны в силу талантов одним, другие — другим.

б) То, что доступно — то и спасительно. Господь не требует ничего неестественного для человека.

Теперь рассмотрим некоторые обстоятельства вступления в монастырь и канонические условия, делающие постриг действи-

тельными.

Аскеза доступна сама по себе всем, всегда и везде. Она полезна и необходима для жизни во Христе. В Настольной Книге Священнослужителя (Т. 4, с. 357) в разделе «Чинопоследования Православной Церкви» первая глава посвящена монашеским обетам и в прологе есть интересное замечание: «Тем, кто на пути веры, нравственного совершенства и любви почувствует себя немощным преодолевать препятствия, Церковь предлагает особые средства к победе над страстями. Эти средства состоят в принятии и исполнении обетов, которые в Евангелии предлагаются не как заповеди, но как советы ...».

Таким образом, здесь делается попытка указать границу, отделяющую религиозных людей и даже аскетически настроенных мирян от монахов, т.е. от тех, кто почувствовал, что без обетов ему не спастись. И здесь монашество предстает как особая, исторически сложившаяся форма осуществления аскетического идеала, охране которого посвящены многие канонические определения.

Поскольку канонически правильный постриг не сообщает новопостриженному какой-либо степени в священной иерархии, то и критерии допуска к постригу отличаются от аналогичной процедуры по отношению к кандидату во священство. Исходя из этого отцы VI Вселенского Собора постановили: «Позволительно христианину избрать подвижническое житие и, по оставлении многмятежной бури житейских дел, вступить в монастырь, и постричься по образу монашескому, аще бы и обличен был в каком — либо грехопадении. Ибо Спаситель наш Бог рек: «Грядущаго ко Мне не изжену вон» (Ин. 6,37). Понеже монашеское житие изображает нам жизнь покаяния, то искренно прилепляющегося к оному одобряем и никакой прежний образ жизни не воспрепятствует ему исполнити

свое намерение» (пр. 43). А в Славянской Кормчей написано: «Иночествовать хотяй, никем да не будет удержан» (Кормчая).

Однако, церковные каноны не позволяют думать, что все желающие могут быть сразу же приняты в монастырь по первой их просьбе. Существует ряд канонических условий, от выполнения которых напрямую зависит действительность пострига.

1-е условие — свободное волеизъявление.

Если мы обратимся к самому «Последованию малой схимы, сиречь мандии» (т.е. мантии), то увидим, что вначале хотящему стать монахом задается вопрос о цели его вхождения в монашескую общину и уточняется — действительно ли он хочет сподобиться ангельского образа, а после этого совершающий постриг игумен или иной священномонах спрашивает: «Вольною ли твоею мыслию приступаеши ко Господу?» и при утвердительном ответе, этот же вопрос дублируется, но уже с некоторым уточнением: « Не от некия ли нужды, или насилия?» Этот же вопрос, но уже в другой формулировке с акцентом на отсутствие принуждения, задается перед самим постригом: «... яко никтоже не принуждает приити к сему образу?» И после этого следует трижды повторяемое особое, символизирующее исключительно личное желание и абсолютную чистоту побуждений кандидата, действие: он трижды подает игумену, а тот трижды отлагает ножницы перед самим постригом. Для чего же Церковью установлен такой уровень защиты человеческой свободной воли? Потому, что свободу эту не стесняет даже Сам Творец, потому, что несвободный человек, принужденный обстоятельствами или иными лицами, не сможет понести монашеское бремя богоугодно, ибо только доброхотного делателя любит Бог, и еще потому, что «выхода» из монашества не предполагается. Это чрезвычайный подвиг покаяния. Если же монах захочет убежать из монастыря, то

игумену вменяется в каноническую обязанность найти этого человека и вернуть его в обитель, а «... не выскивающий отбегających монахов ... должен быть отлучен от Святых Таинств», - говорится в 3-м правиле Двукратного Собора.

Можно провести некую параллель и аналогию между Таинством Брака и монашеским постригом. Оба спасительных направления, молитвенно освящаемые Церковью, предполагают готовность к пожизненному подвигу. В обоих случаях задаются вопросы о наличии свободы в данном жизненно важном выборе человека, но такое сугубое, или даже трегубое, удостоверение в отсутствии принуждения есть только в приведенном выше чинопоследовании.

Проходят годы и даже века, а этот принцип остается неизменным. Уместно подчеркнуть его непреходящую актуальность и в том отношении, что этот вопрос в 1999 году стал в ряду особых попечений и забот Синода Русской Православной Церкви под председательством Патриарха Алексия II: «Имея ввиду участвовавшие жалобы мирян на канонически неоправданные действия отдельных пастырей, указать священникам, несущим духовническое служение, на недопустимость принуждения или склонения ... к принятию монашества ... Особо подчеркнуть, что принятие монашества является делом личного выбора христианина и не может совершаться «по послушанию» тому или иному духовнику».

Таким образом, как и брак, заключенный по принуждению, даже не расторгается путем развода, а просто отменяется, т. е. признается недействительным, при этом церковное взыскание налагается на виновных, так и постриг, совершенный без воли постригаемого, не налагает на него никаких канонических обязанностей. Так, кстати, иногда поступали на Руси с нежелательными претендентами на престол из княжеских фамилий.

Касательно этой темы следует привести еще один негативный опыт узаконения принуждений, а именно — принуждений к постригу, под страхом запрещения в священнослужении представителей вдового духовенства. Это было узаконено на Стоглавом Соборе 1551 года.

Каноническая справедливость была восстановлена только на Большом Московском Соборе 1667 года с прибавлением, что постановление 1551 года противоречит правилам и практике Древней Церкви и потому должно быть отменено.

Никакая власть на земле не может заставить человека идти в монастырь: ни гражданская, ни церковная, ни родительская. Злоупотребление родительской властью, проявленное в принуждении к постригу, каралось тюремным заключением от 4 месяцев до 1 года и 4 месяцев согласно «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года. Эта глава так и называется красноречиво: «О злоупотреблении власти родительской».

То же касается и обетов родителей, желающих постричь своих детей без их согласия. Это не имеет ни церковной, ни гражданской, ни юридической силы.

Некоторые ошибочные понятия были на Руси унаследованы от Византии. Так в Номоканоне при Большом Требнике в статье 80 приводится особый правовой прецедент, который прямо противоречит духу христианской свободы и даже самому тексту чинопоследования пострига: «... Аще ли кто облачится черное нося или в рясу облечется внутрь искуса (т.е. если кто-то оденется в монашеское облачение во время прохождения искуса, - Г. М.), аще и кроме трисвятаго, да не дерзнет совлеци сего ктому прочее: но и неволею понужден будет постришися ...»

Интересный вывод сделан в Духовном Ре-

гламенте 1722 о лицах, не желающих пострижения, но прошедших искусы — «Нежелающего принять пострижение следует отпустить без всякого удержания и укоризны». И в другом месте того же документа: «Если послушница, живущая в монастыре на искусе прежде 50 лет пожелает выйти замуж, то это ей дозволяется».

Сороковое правило Трульского Собора говорит, что обет жизни должен происходить от ведения и рассуждения, что, в свою очередь, исключает всякое принуждение. Разумеется, что такой выбор может сделать только взрослый, зрелый член Церкви.

2-е условие — зрелый возраст.

Зрелый возраст необходим для вступления в монастырь. При объективном рассмотрении канонов Церкви и толкований на них авторитетных древних и современных канонистов, а также практики Древней Церкви, позднейших узаконений и норм современного церковного права, следует сказать, что в разные времена, в разных странах и при разных обстоятельствах, возрастной ценз вступления в монашество был различным.

Можно указать на 40-е правило VI Вселенского Собора как на критерий, указывающий, что возрастная граница в разное время могла быть разной: у святителя Василия Великого — не менее 17 лет для послушниц; в определении о диаконисах — 40 лет; но в этом правиле указывается главное измерение — «... после полного раскрытия разума», и «... не без испытания безвременного приимати избирающих житие монашеское ...» (40 — е правило VI Вселенского Собора). Следует сделать уточнение, что употребляемый термин «чин дев» в который святитель Василий Великий не допускал девиц ранее 17 — летнего возраста, не является монашеством, но иной ступенью аскезы. Девственницы и монахини имели разные статусы и, следовательно, к ним предъяв-

лялись разные требования (у монахинь, кроме обета девства есть еще и обет послушания и обет нищеты — в отличие от дев), поэтому 16 правило IV Вселенского Собора отличает дев от монашествующих.

В упомянутом выше 18-м правиле мысли святителя Василия совпадают буквально с вселенским законодательством, он пишет: «... обеты тогда признаются действительными, когда возраст достиг совершенного разума, ибо детские слова в этом деле не подобает почитати совершенно твердыми». Это правило предлагает для дев-послушниц 16-ти или 17-ти — летний возраст, из этих двух возрастов во внимание VI Собором принимается последний. При этом святитель ставит акцент на том, что кандидат должен быть «долгоиспытваемым», что неприложимо к детскому или юному возрасту. В конце правила звучит всегда актуальная тема для монашествующих, вызванная отрицательным опытом монастырей: «... Ибо многие родители, и братья, и некие из родственников, прежде совершенного возраста, приводят, не по собственному их стремлению к безбрачию, но промышляя через то для себя нечто житейское: таковых не должно легко приимати, доколе не узнаем ясно собственного их расположения». И это говорится о девах, посвященных Богу, а не о монахинях, приносящих три обета. Из акцентов, сделанных автором этого правила, мы можем увидеть логическую связь между этим условием — возрастом и предыдущим — свободным желанием, свойственным зрелому человеку.

Мудрость отцов VI Вселенского Собора видна и в том, что они, указав на существующие в церковной практике различные прецеденты, предоставили местному епископу рассудить: какое следует продолжить время для получения зрелости в каждом конкретном случае, ибо зрелость у разных людей появляется в разном возрасте. Тут, кроме индивидуальных особенностей характера, немало внимания обращается на

прежний образ жизни.

Об исключениях из практики говорит 126 правило Карфагенского Собора, где критерием для пострига девицы, достигшей 25 — летнего возраста, служили крайняя нужда и угрожающая опасность. Толкуя это правило, епископ Никодим (Милош) говорит, что «это мнение отцов Карфагенского Собора о недопустимости пострига 25 — летних дев, основывается на постановлениях Иппонского Собора 393 года»².

На Руси к вопросу о возрасте постригаемых относились довольно серьезно. Например, в Синодальный период эта граница варьировалась в различных документах от 30 до 40 лет и даже до 60-ти: «Монахиня постригается по достижении 60 летнего возраста, исключение может быть дозволено по усмотрению Святого Синода».

В современном церковном законодательстве учтен весь положительный и отрицательный опыт Церкви по вопросу о возрасте постригаемых и принято постригать не ранее 30-летнего возраста как мужчин, так и женщин.

3-е условие — свобода от состояний и обязанностей, несовместимых с монашеством.

Если мы проведем параллель между Браком и монашеством, то увидим, что условия канонической действительности и Таинства и пострига во многом схожие. Невыполнение этих условий является препятствием к совершению как одного, так и другого священнодействия. Там и там нужна и свобода, и соответствующий возраст, и отсутствие уже существующего законного брака.

Священное Писание всесторонне защищает здоровый брак, а всякий колеблющийся брак пытается сохранить от любого человеческого произвола: « что Бог сочетал — человек да не разлучает» (Мф. 19,6). Следует рассмотреть очень важный канонический

критерий — критерий легитимности пострига. Церковное законодательство не позволяет совершать постриг мужа при живой жене и постригать жену при живом муже, а исключения оговариваются в 48 правиле VI Вселенского Собора: «Жена производимого в епископское достоинство, предварительно разлучается с мужем своим, по общему согласию, по рукоположению его во епископа, да вступит в монастырь, далеко от обитания сего епископа созданный, и да пользуется содержанием от епископа. Аще же достойна явится, да возводится и в достоинство диакониссы».

Это правило является в определенном отношении церковной новеллой — здесь Церковь представляет на уровне общецерковного законодательства особый прецедент расторжения церковного брака через развод (*sine damno*) т.е. без вины, в случае избрания мужа во епископы. Здесь весьма интересно выглядит акцент человеческой свободы в Церкви Христовой, а именно: женатый пресвитер, избираемый Собором всех епископов той области (4 правило I Вселенского Собора) на епископскую кафедру, не сможет стать епископом и соборное решение всех архиереев не вступит в силу, если законная жена этого пресвитера не даст своего согласия на этот акт, ибо 48 правило VI Вселенского Собора требует от пресвитера и его супруги «общего согласия». Еще один весьма специфический момент указан в этом правиле: жена этого пресвитера только после его епископской хиротонии «да вступит в монастырь» и «да пользуется содержанием от епископа» и, если достойна, ее могут поставить в диаконисы, в которые чаще всего поставялись из мирян. Толкуя это правило, знаменитый византийский канонист, впоследствии патриарх Федор Вальсамон пишет, что текст канона не говорит о постриге и не принуждает к нему, хотя, во избежание соблазнов лучше ей принять постриг, ибо находится в монастыре в мирском виде есть дело наказания, а не благодеяния.

Необходимо заметить, что до VI Вселенского Собора в Церкви не было всеобщих запретов на существование женатых епископов. Наличие таковых считалось законным, что в свою очередь имеет основание в Божественном праве «епископ муж одной жены» и в 5-м Апостольском правиле говорится: «Епископ или пресвитер или диакон, да не изгонит жены своея под видом благоговения, аще же изгонит, да будет отлучен от общения церковного и, оставаясь непреклонным, да будет извержен из священного чина». Извержение, как известно, самое большое наказание для священнослужителя. Так было до принятия 12 правила на Трульском Соборе. Говоря об этом правиле необходимо обратиться к истории возникновения монашества как церковного института. В Церкви Христовой, как известно, все по определенному чину и порядку бывает, по слову святого Апостола, и стихийность монашеского движения первых веков была упорядочена церковной дисциплиной, а также уставами местных общин. В IV веке в монашеской среде произошло немало разделений, которые носили принципиальный характер, т.н. крайние аскеты (мессалиане, евстафиане), осуждавшие людей, живущих в законном браке, начали использовать монашество как инструмент для создания отдельной церкви, что явилось своеобразным прецедентом создания параллельной иерархии. Всех их, впадших в такие крайности, осудил и Гангрский (340 г.) и Сардикийский (390 г.) церковные Соборы. На этих Соборах был защищен брак от подобных посягательств.

К V веку Церковь подходит уже с определенным опытом управления монахами. Так 4-ое правило IV Вселенского Собора является в некотором роде квинтэссенцией из всех ранее сделанных местных определений о монашестве. Это не что иное, как общецерковная рецепция и одновременно кодификация правового материала, касающегося монастырей и монахов. Это первая

проба общецерковного законодательства, направленная на подчинение монашества институту церковной иерархии и одновременно, как говорит профессор протоиерей Владислав Цыпин, «ограждение церковного управления от бесчинного вмешательства беспокойных монахов»³. Монашеские общины, согласно этому правилу должны пребывать в абсолютном подчинении у своих местных епископов: «... некоторые, для вида употребляя одежду монашескую, разстраивают церкви и гражданские дела, по произволу ходя по градам, и даже монастыри сами для себя составляют покушаются, то рассуждено, чтобы никто и нигде не созидал, и не основывал монастыря, или молитвенного дома, без соизволения епископа града. Монашествующие же, в каждом граде и стране, да будут в подчинении у епископа, да соблюдают безмолвие, да прилежат токмо посту и молитве, безотлучно пребывая в тех местах, в которых отреклись от мира, да не вмешиваются ни в церковные, ни в житейские дела, и да не приемлют в них участия ...» (4 правило IV Вселенского Собора). Однако, проходит два века и 12 правило Трульского Собора свидетельствует о взаимном проникновении двух церковных институтов — института монашества и института епископата. И с того времени в Церкви узаконен безбрачный епископат. Ранее иноческая жизнь была рекомендуемым условием для избираемых на церковно-иерархические должности. Проходит время, и из рекомендуемого это условие становится обязательным. Известно усердие в этом отношении на Руси.

Итак, человек должен быть свободен от уз брака для того, чтобы вступить ему в монастырь. Но, что делать тому, у кого заключен брак? Тот может решить этот вопрос по аналогии с рассмотренным выше правилом — при взаимном согласии оба супруга принимают постриг в один день, но в разных монастырях. Желаящий вступить в монастырь не должен иметь у себя в семье малолетних детей. Это положение

не один раз звучит в определениях Синодального периода и имеет оно основание в нормах Божественного права: по словам Священного Писания, тот, кто не заботится о своих ближних, а более всего о семейных, тот хуже язычника (...). Разумеется, что это требование не применимо к бездетным супругам, но оно сохраняет всю свою строгость к тем, кто является опекуном или попечителем. Так же свободен должен быть человек и от кредиторских обязанностей и воинской службы, и от гражданских служебных и должностных обязанностей, исполнение которых не совместимо с монашеским удалением от мира, а неисполнение этих обязанностей, прикрытое постригом, является лицемерием и наказывается достаточно строго, что предусмотрено 83 статьёй Номоканона и 4 правилом IV Вселенского Собора. По этим каноническим нормам нельзя удаляться в монастырь «за страх брани» и т. п., нельзя постригать беглых рабов, но только тех можно постригать, которые свободны от рабства. Причем свободными, по определению VI Собора, они становились при обязательном свидетельстве трех лиц: «отпускаемые от господ своих на свободу рабы, получают сие преимущество при трех свидетелях, которые своим присутствием дадут освобождению законность и сообщат достоверность тому, что учинено» (85 правило). В прологе этого канона указывается основание его на Священном Писании (Втор.19,15). На Руси это правило было приложимо если не по форме, то по духу до отмены крепостного права.

Мирские обязанности, а более всего начальственные не свойственны, но противны самому духу монахов.

Учитывая, что монах стремится к абсолютной нестяжательности, ему следует до вступления в монастырь распорядиться своим личным имуществом по своей воле. При этом за таким человеком сохраняется право наследования имущества, и это право

защищено 130 статьёй Номоканона. Монахи не должны вмешиваться ни в какие дела гражданские, общественные и церковные, - например не могут быть попечителями, опекунами, поверенными, поручителями в делах, не касающихся их монастыря, под страхом «церковного наказания», о чем сказано в определениях Халкидонского Собора 451 года.

Если же послушник до пострига не распорядится своим имуществом, то после пострига его имущество поступает в казну его монастыря. Величина такого вклада не влияет на жизнь этого человека в монастыре, ему не представляется никаких преимуществ и льгот по сравнению с другими насельниками обители. Если монах захочет выйти из числа братии, то ему вклад (денежный, имущественный или иной) не возвращается.

4-е условие законности пострига — предшествующий постригу искус.

По самой этимологии этого термина мы видим, что именно «искушение» - т.е. испытание намерений послушника и его искренности является крайне необходимым каноническим условием нормального пострига. Отклонения от этой нормы оговариваются в различных источниках церковного и — до 1917 года — гражданского законодательства по делам Церкви.

Если сопоставить чинопоследование монашеского пострига с чинопоследованиями Таинств Крещения и Венчания, то увидим аналогичную специфику, свойственную подготовительному периоду: перед Крещением есть обязательный период оглашения, в который происходит не только обучение истинам и основам веры, но и испытывается зрелость убеждений, а перед совершением Таинства Венчания был особый период, начинавшийся обручением, желающих вступить в брак, а позже на Руси церковные и гражданские юридические нормы

требовали «оглашения» и «брачного обряда» - особого процесса сбора объективных сведений о наличии препятствий для вступления в брак конкретных людей. На это отводилось определенное время⁴.

Из приведенных сравнений видно, что такое жизненно важное событие, как вступление в Церковь через Крещение, или вступление в Брак имеют сходство с не менее важным с точки зрения канонов событием, как вступление в монастырь. Специфика всех указанных состояний схожа в том, что они пожизненны: в норме пожизненно членство в Церкви, Церковь настаивает на нерасторжимости христианского брака, и вступающий в монастырь обрекает себя на пожизненное пребывание в нем с соблюдением известных обетов, которые исключают возможность вступления «... в мирский чин: иначе дерзнувших на сие и не возвращающихся с раскаянием к тому, что прежде избрали для Бога, предавати анафеме» (7 правило IV Вселенского Собора).

Вступление в монастырь — дело, предполагающее осознанный выбор, сделанный человеком зрелым не только по возрасту, но и по личным убеждениям. Зрелость проверяется временем.

Церковное законодательство своевременно сделало отдельный акцент на этом. В 40-м правиле VI Вселенского Собора говорится: «Понеже прилепятся Богу, чрез удаление от молвы житейския, весьма спасительно: то мы должны не без испытания безвременно приимати избирающих житие монашеское ...». Как здесь замечено «не без испытания», т. е. после проведения определенного монастырской традицией времени жизни в монастыре, с исполнением требований монастырского устава, чтобы увидеть наличие или отсутствие талантов, необходимых для монашеской жизни.

Для того, чтобы обозначить серьезность и

строгость канонов, касающихся обязательности искуса, приведем исключение, изложенное в 126 правиле Карфагенского Собора: «Постановлено и сие: аще кто из епископов по нужде, в опасности, угрожающей целомудрию девы ... или когда она ощущает себя в сокрушении от некия опасности смертоносныя ... покрыл ее одеянием посвященныя Богу ... дабы не умерла без иноческого образа: такового ничему да не подвергнет соборное постановление ...». Т.е. это правило говорит об исключении, когда смертельная опасность заставляет постричь без искуса, тогда епископ, допустивший такой постриг, не должен нести наказания ввиду сложившихся обстоятельств реальной жизни.

Все в Церкви благообразно и по чину бывает и все сделано в ней для нашего спасения и назидания и духовной пользы. И эту пользу, как цель преследует тот, кто вступает в монашескую жизнь. Но даже полезная по сути вещь, примененная не ко времени и не к месту, без рассуждения, может принести ощутимый вред душе и телу. В этом отношении следует остановить внимание на 5-м правиле Святого Поместного Константинопольского Двукратного Собора. «Обретаем, яко отречения от мира, без рассуждения и испытания, много вредят монашескому благочинию. Ибо некоторые опрометчиво повергают себя в монашеское житие, и пренебрегши строгость и труды подвижничества, снова бедственно обращаются к плотоугодной и сластолюбивой жизни. Того ради святыи Собор определи: никого не сподобляти монашеского образа, прежде нежели трехлетнее время, предоставленное им для испытания, явит их способными такового жития, и сие повелел Собор временно хранить, разве когда приключившаяся некая тяжкая болезнь понудит сократить время испытания, или разве кто будет муж благоговейный и в мирском одеянии провожающий жизнь монашескую. Ибо для такового мужа к совершенному испытанию довлеет и шестимесяч-

ный срок. Аще же кто поступит вопреки сему: то игумену, по лишении игуменства, состоянием подчиненности да послужит наказанием за отступление от порядка: поступивший же в монашество да предастся в другой монастырь, в котором строго соблюдается устав монашеский».

Толкуя этот канон, Федор Вальсамон указывает, что послушники должны проходить искуса в мирских одеждах и называет бесчинием ношение в этот период монашеских облачений. Номоканон при Большом Третьяке имеет такое же мнение по этому поводу: «Искуса с мирскими одеждами должен есть быти, а не с иноческими» (80 статья).

В толкованиях на это правило Двукратного Собора канонист Иоанн Зонара говорит о важности искуса, в котором доказывается готовность к монашеству, а в него некоторые вступают не с рассуждением, а безотчетно (ибо как повергаемое ложится не в порядке, а как случится, так и эти являются как бы заброшенными в монашество) и ведут жизнь не в порядке и не по чину. Описывая современную обстановку толкователь констатирует, что «в нынешнее время некоторые из игуменов собственные желания ставят выше канонов и только что прибывших постригают немедленно, а других спустя несколько дней, и притом — таких, которые не знают, в чем состоит монашеский подвиг. Не удерживает игуменов от безрассудной поспешности в сем деле и епитимия, состоящая, по правилу, в лишении игуменства и обращении опять в послушание, в наказании за бесчиние ...»⁵.

В первой половине XIX века Святейший Синод Русской Церкви сделал некоторое дополнение к вышеуказанному канону. Дополнение это не меняет сути правила, а лишь показывает, как на практике применить его требование, а именно: все лица, окончившие полный курс семинарии или академии, а также вдовы священнослужи-

тели, освобождались от прохождения искуса, поскольку жизнь священнослужителя или студента духовного учебного заведения мало чем отличается от жизни послушника в общежительном монастыре.

Уместно заметить, что церковные определения конца XX — XXI веков аналогичны по своему духу с древними правилами по вопросу искуса постригаемых в монашеский чин. Это в свою очередь подтверждает правильность и проверенность временем канонических норм, живущих и действующих в Православной Церкви.

5-е условие действительности монашеского пострига — присутствие старца — (приемника-духовника).

Если мы проведем некоторую аналогию между вступлением в Церковь через Крещение и принятием монашества через постриг, то увидим сходство в том, что в обоих случаях необходимо присутствие восприемника. При Крещении он дается как поручитель и грамотный, зрелый, опытный проводник сквозь бури житейского моря, знающий Закон Божий и, в силу этого, могущий его являть своей жизнью перед крестником, воспринятым им в Таинстве Крещения. При постриге так же дается старец — человек опытный в монашеском делании, преуспевающий в подвигах и добродетелях иноческого жития. Это требование вытекает не только из принципов элементарной логики, но и из святоотеческого опыта, запечатленного в канонических правилах. При чем каноны говорят и о талантах — способностях, которые должны быть у старца: он должен быть не только боголюбив, но и «способный душу спасти новоприводимую ко Христу» (2 правило Двукратного Собора). Иногда о подвижниках писали: «Свят, но не искусен», — т.е. сам спастись может и преуспевает в этом, но других вести по этому пути не способен из — за отсутствия соответствующих дарований.

В указанном правиле Двукратного Собора говорится со всякой строгостью о необходимости присутствия при постриге старца и принятии им новопостриженного. «... Отнюдь никого не сподобляти монашеского образа, без присутствия при сем лица, долженствующего прияти его к себе в послушание, и имети над ним начальство и восприяти попечение о душевном его спасении... Аще же кто обрящется постригающий кого — либо не в присутствии игумена, долженствующего прияти его в послушание: таковый да подвергнется извержению из своего чина, яко не повинующийся правилам и разрушающий монашеское благочиние, а неправильно и бесчинно постриженный да предается на послушание в монастырь, в какой заблагорассудит местный епископ, ибо неразумительныя и погрешительныя пострижения и монашеский образ подвергли низвержению, и подали случай к поруганию имени Христова». Это имеет одинаковое основание с проблемой, обозначенной святым апостолом: «из-за вас имя Божие худится».

Такой «старейший» монах в Кормчей книге назван «поручником», а в Номоканоне назван «приимцем», обязанности которого пропорциональны обязанностям восприемника, необходимого при совершении Таинства Крещения.

Приведенный выше канон определяет крайнее наказание для священнослужителя, дерзнувшего совершить такой незаконный постриг, — извержение, а постриженный, по словам Славянской Кормчей, «... да предан будет местным епископам в покорение в монастырь», ибо, как постановили отцы Двукратного Собора: «Некоторые восприемлют на себя образ токмо жития монашеского, не ради того, да в чистоте послужат Богу, но ради того, да от чистого одеяния восприимут славу благочестия, и тем образуют безпрепятственное наслаждение своими удовольствиями...» (2 правило). Этого всего сможет новопостри-

женный избежать, имея примерного старца и духовника. Авторитетные толкователи святых канонов — Иоанн Зонара, Алексей Аристин, Федор Вальсамон — в общем-то единогласны в толкованиях на это правило, как и наши древнерусские источники церковного права. Следует заметить, что в древности не все игумены имели пресвитерский сан. Пресвитер вводится в штат монастыря после принятия Устава святителя Василия Великого. Если игумен не был священномонахом, то за нарушение 2 правила Двукратного Собора оно лишался игуменства, как соответствующей иерархической должности.

Однако, иерей — не монах не может совершать постриг, о чем напоминают и каноны и Номоканон, ибо здесь заявляет о себе принцип по которому «не имеющий дать не может», т. е. монашеский постриг совершался в древности всегда монахом, который не всегда был пресвитером.

Все эти правила и толкования их, а также позднейшие узаконения изданы Церковью для возвышения монашеского авторитета в обществе, которое смотрит на монахов особо: их чин назван ангельским чином, как это видно в Третьем правиле. А по слову знаменитого канониста профессора Павлова, монашество — это продукт нравственного духа Христианской религии, возбуждающей в некоторых случаях и в отдельных личностях стремление к высшему, идеально — нравственному совершенству, состоящему, по учению Христа в полном отречении от благ мира и в самоотверженной преданности Богу⁶.

Примечания:

¹ Дьяченко Г., прот.. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993. — С.316

² Никодим (Милош), епископ. II т. — С.269

³ **Цыпин 837**

⁴ Сильченков Н., свящ.. Практическое руководство при совершении приходских треб. СПб. — С.136-138

⁵ Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. М. 1880. — С.810

⁶ Павлов А.С., проф.. Курс Церковного права. ТСЛ. 1902. — С. 213-214